

Содержание

Пролог	5
<i>Глава первая.</i> НОВОЕ ДЕЛО.....	9
<i>Глава вторая.</i> ЛАЗАРЕТ.....	21
<i>Глава третья.</i> РАССКАЗ АГАФЬИ.....	27
<i>Глава четвертая.</i> РАССКАЗ ЛЮБЫ.....	37
<i>Глава пятая.</i> РАССКАЗ НИНЫ.....	45
<i>Глава шестая.</i> НЕЗНАКОМКА	54
<i>Глава седьмая.</i> СОСЕДИ	63
<i>Глава восьмая.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	72
<i>Глава девятая.</i> ГОСПИТАЛЬ	80
<i>Глава десятая.</i> ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ	90
<i>Глава одиннадцатая.</i> ДЕЛА СЕРДЕЧНЫЕ	101
<i>Глава двенадцатая.</i> СОКРОВИЩЕ	116
<i>Глава тринадцатая.</i> ЦЕННАЯ УЛИКА.....	125
<i>Глава четырнадцатая.</i> ПЛОХОЙ ДЕНЬ.....	134
<i>Глава пятнадцатая.</i> СЛЕДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	142
<i>Глава шестнадцатая.</i> «ПАВЛУШИ»	155
<i>Глава семнадцатая.</i> ЦВЕТОЧНИЦА.....	170
<i>Глава восемнадцатая.</i> ЖЕНЩИНА НАШЛАСЬ	188
<i>Глава девятнадцатая.</i> «ПАЛЕ-РОЯЛЬ»	202
<i>Глава двадцатая.</i> ДВА ДОКТОРА.....	213
<i>Глава двадцать первая.</i> BELLA DONNA.....	228
<i>Глава двадцать вторая.</i> СЕМЕЙНЫЕ УЗЫ	237
<i>Глава двадцать третья.</i> БЕЛЫЕ НОЧИ.....	263
<i>Глава двадцать четвертая.</i> ЧАШКА ЧАЯ	274
<i>Глава двадцать пятая.</i> ГЕРОЙ.....	289
Эпилог	315

Пролог

Май 1895 г., Российская империя, Санкт-Петербург

Желтое пламя свечи горело неровно — трепетало, металось, то почти гасло, то вспыхивало с новой силой. А ведь в дортуаре Павловского сиротского института было душно. Ни сквозняка — а пламя скакало, будто на ветру! Фенечка Тихомирова полагала: это и есть прямое доказательство слов Агаши, что сегодня, тридцатого апреля, и в самом деле ведьминская ночь. Самая темная колдовская ночь, когда в мир божий вырывается и властвует нечистая сила, а ведьмы, черти и неупокоенные души усопших летят на Лысую гору, где водят хороводы у костров и предаются греховным увеселениям. Для юной Фенечки последнее было чересчур, но она верила словам Агаши, что сегодня после полуночи грань между мирами ненадолго станет столь же тонка, как и перед Крещением Господнем, и если хорошенько попросить, то духи дадут совет, выполнят просьбу... или хоть позволят еще разок посмотреть в лицо того, кто занимал все мысли Фенечки. Вместе им не быть никогда, Фенечка знала. Слишком многое стояло на пути. Но посмотреть-то, полюбоваться им

еще хоть разочек можно?! За это, право, и душу не жаль отдать...

Так думала Фенечка, сидя у зеркала в душном темном дортуаре перед небольшим настольным зеркальцем со свечкою в руке. Сердце ее колотилось безумно, и звуки эти отдавались в висках, и с каждым ударом даже дышать как будто становилось труднее. Но Фенечка все вглядывалась в гладкую поверхность зеркала, туда, где трепетал огонек ее свечи, вглядывалась и... на миг ей показалось, что она действительно видит! Видит черты лица, бледного и печального. Такого знакомого, любимого. Видит глаза, смотрящие в сторону. Но вот — еще миг — и ясный взгляд его глаз вдруг устремился на нее, точно на нее.

Фенечка ахнула. Отшатнулась. Рука ее безвольно упала, не в силах больше держать ставшую невыносимо тяжелой свечку. А грудь Фенечки будто сковало обручем, да со стальными шипами — и все давило, давило, не позволяя сделать вдоха.

— Сердце, сердце... — без голоса прошептала Фенечка.

И уже в полузабытьи видела, как над ней, распростертой на полу, застыла в немом ужасе Любонька; как суетилась, шлепая по щекам, Агаша; и как приблизилась к ней, медленно и бесстрастно, тень третьей соседки, Нины.

Нину Фенечка не любила, побаивалась. Вот уж кто хоть с ведьмой, хоть с чертом договорится: ей бы и самой на Лысую гору лететь. Но теперь у Фенечки не было сил даже поднять глаза. Только и услышала сказанное Ниной, как приговор:

— Тоже помрет...

— Ты языком-то поменьше мели, Юшина! — тотчас взвилась Агаша.

— Не кричи, Агафьюшка, — совсем тихо осадила ее Люба. — Она права, в лазарет нужно. Дмитрий Данилыч всю ночь на месте, я знаю. Нина, не стой столбом, помоги!

Нехотя Нина приблизилась, и Фенечка почувствовала, как подруги подхватили ее обессилевшее тело под руки, за талию и осторожно повели по темным коридорам и лестницам.

А потом ослепил яркий свет лазарета, но Фенечка видела его как будто сквозь пелену и мало что могла разглядеть отчетливо. Все силы ее уходили на то, чтобы бороться с болью в груди и пытаться сделать еще хотя бы один вдох.

Изредка доносились до нее голоса подруг, плачущие, встревоженные, потом голоса мужчин, среди которых выделяла она один — знакомый, любимый голос, тот самый. Фенечка как будто и понимала, что взяться ему здесь неоткуда — он далеко, он о ней не думает, да и не знает. Но разглядеть лицо того, кто склонился над ней, Фенечка уже не могла. Очень хотела, но не могла. А ведь он звал ее по имени, просил взглянуть на него, просил не спать и все тряс ее руку. Или это был все же не он? Остро запахло спиртом и медицинской химией, блеснуло стекло шприца. Он смазал ее запястье холодной влагой и пообещал, что сейчас станет легче.

А потом...

Фенечка совершенно ничего не понимала. Хлопок, будто где-то от души стукнули дверью, — и на

щеку, на платье брызнуло горячей алой кровью, которую девушка увидела даже сквозь свое помутившееся сознание. Второй хлопок. Погодя, пока Фенечка пыталась разобрать хоть что-то, третий.

Но снова ее принялись тормошить за руку, снова пахло спиртом.

— Сейчас, милая, сейчас... — слабо бормотал мужской голос над ней, но... укола так и не последовало.

Шприц со звоном упал и раскололся. А доктор вдруг отпустил ее руку и, тоже обессилев, сполз на пол, так больше и не поднявшись.

Глава первая

НОВОЕ ДЕЛО

Кошкин

— **С**тепан Егорыч! Степан Егорыч!
И бросок камешка в окно — один раз, второй, третий.

— Степушка, тебя зовут... — пробормотала сквозь сон та, чьего лица Кошкин даже не помнил.

— Позовут и перестанут.

Снова камешек в окно.

— Он весь дом разбудит — маман станут ругаться...

— Поругаются и перестанут.

Сказал и через мгновение понял, что вставить все же придется. Да и сон отступал, хотя голова все еще трещала и раскалывалась на части.

— Который час?

— Не знаю... — с громким ленивым зевком отмахнулась девица, — в гостиной часы стоят.

Кошкину казалось, до гостиной он попросту не дойдет. Не дойдет даже до кресла у стены, где скомканным валялся китель вместе с жилетом и награжденными часами в кармане. Окно было ближе. Приподнявшись и толкнув створку в тишину майской ночи, Кошкин мучительно поискал глазами и разглядел

внизу Костенко, полицейского надзирателя, бывшего у него в подчинении. Парень, совсем еще молодой, но шустрый, только что набрал целую пригоршню камешков и разогнулся, дабы всем этим обстрелять его окно, да, завидев Кошкина, вытянулся по стойке «смирно» и уже рукой дернулся к фуражке, отдать честь.

— Который час? — не дал ему сказать Кошкин.

— Четверть четвертого, ваше благородие! — задорно, как на параде, отрапортовал он. — Разрешите доложить?! Случилось происшествие... надобно ехать тотчас — экипаж ждет со стороны улицы!

— Четверть четвертого... ты рехнулся совсем, Костенко? На каждую драку в кабаке станешь меня дергать? Четверть четвертого!..

Сказал — и опять с запозданием понял, что Костенко не дурак и из-за простой драки беспокоить его, чиновника по особым поручениям, среди ночи не стал бы. Неужто случилось что?

— Не в кабаке, ваше благородие... — как мог, оправдывался Костенко, — в институте для барышень. Три покойника. Шувалов, его сиятельство, с двух часов там и вас велели привезти поскорее.

Кошкин выругался. Разумеется, Костенко звал его не просто так. А Шувалов, верно, и вовсе голову оторвет, как увидит. Кошкин принялся без толку приглаживать волосы, торчащие во все стороны, потом заметил таз с водою в углу и бросился умываться, успев крикнуть, что сейчас спустится.

Пока умывался, кинул взгляд в зеркало: щетина отросла, и брить ее снова не было ни времени, ни желания. А физиономия опухла, как черт знает у ко-

го... и немудрено: лица девицы, что спала рядом, он не помнил, зато помнил, что пили они вчера и шампанское, и виски, и водку, и все вперемешку — сперва внизу, в общей зале, потом в компании незнакомых офицеров, потом уж, на брудершафт с девицей, здесь.

— Ваше благородие... — передразнил он Костенко, словно тот был в чем-то виноват, и снова выругался. Сам себе Кошкин был нынче противен.

Да и позже, трясясь в экипаже и болезненно морщась от головной боли на каждой выбоине мостовой, Кошкин не мог понять, как он скатился до жизни такой. Даже на Урале, в ссылке, держался, лишнего себе не позволял — а сейчас? И в столице, и при должности прежней, и у начальства в почете — что еще надо? Был в почете, по крайней мере, на текущий момент времени...

— Долго искал меня? — спросил он надзирателя, чуть смягчившись.

— Совсем недолго, ваше благородие. Дома-то у вас сразу сказали, по какому адресу ехать.

Кошкин почувствовал болезненный укол. Он-то полагал, что Воробьев, нынешний его сосед, пребывает в святом неведении, где товарищ пропадает вечерами да ночами. А тут на тебе — и об адресе осведомлен.

— А что же в дверь не стучал по-человечески? Зачем по окнам бить?

— Так не пускали, ваше благородие! И сторож, и хозяйка больно строгие. Нету тут таких — и весь разговор.

— И что же, ты по всем окнам стучал?

— Никак нет! Вы ж.. ясно-понятно кто! И девочку, и комнату затребуете самую первоклассную... вот и искал лучшие окна в сем заведении...

Кошкин приуныл окончательно. Тридцать шесть лет. Кто каких успехов добивается к этому возрасту, а его чтят, видишь ли, потому как девочек он себе выбирает лучших. А ведь Кошкин помнил, как совсем еще недавно выговаривал подчиненным, что для полицейского чина — позор и запятнанная честь, ежели его застали в разного рода веселых домах да без служебной надобности. Мелькнула шальная мысль: сказать Костенко, что, мол, и сегодня он здесь побывал не развлечения ради, а по следственной необходимости. Девицу допрашивал или маман-хозяйку. Ну и пусть, что в четверть четвертого ночи... Костенко — подхалим, конечно, сделает вид, что поверил. Однако ж именно что сделает вид.. а позору еще больше будет.

Да и приехали уже: выдумывать что-то Кошкин теперь посчитал лишним.

* * *

Происшествие — как назвал это Костенко — случилось в Павловском женском сиротском институте, что на Знаменской улице. Институт встретил Кошкина скромным по столичным меркам фасадом из красного кирпича, с желтыми простенками и такого же цвета дугообразными наличниками окон. Территорию, как и всякое закрытое учебное заведение, институт занимал немалую: имелся здесь и обширный, едва укрытый зеленью сад, и даже бассейн с фонтаном, что шумел в глубине двора.

Костенко же вел Кошкина мимо, к административному зданию, где ярко горели окна всех трех этажей, а у дверей вытянулись по струнке караульные, издали завидев начальство.

— Что случилось-то? — запоздало спросил Кошкин о деле. — Свидетели есть?

— Есть. Хотя какие уж тут свидетели — девицы, барышни по пятнадцать-шестнадцать годков. Да и то не видели ничего и не слышали, как обычно у нас бывает. Там стрельба стояла, до сих пор порох в воздухе висит, а они и выстрелов не разобрали, думали, оконная рама сквозняком захлопнулась где-то. Одно слово — барышни.

— А кто же тогда полицию позвал среди ночи?

— Полицию позвала начальница, а ей доложились как раз одна из барышень. Но там вовсе дело темное... Они подругу-горемыку в лазарет привели, сердце у той прихватило. Да один из докторов вроде как успел барышне шепнуть что-то, или она сама чего почуяла — непонятно. Но сразу как от докторов вышла, побежала к начальнице в комнаты, она здесь же, при институте поселена. Начальница-то пока проснулась, пока поняла, чего той надобно, в лазарет приходит — а тут на тебе. Доктора обои убитые, и девица, которую подруги привели, скончалась уж.

Пока Костенко рассказывал, успели попасть в главное здание, подняться на второй этаж, где все двери были нараспашку, где ярко, как днем, горел свет, а в самом конце коридора толпилась уйма народа — и полицейских чинов, и гражданских, и даже военных.